

Что касается последней, то для Бердяева, пристрастного и бескомпромиссного в ту пору обличителя неокантианства, столь ценный Белый Г. Риккерт, к примеру, — «тоже позитивизм, отклоняющий метафизическую постановку и решение проблемы бытия вообще и бытия индивидуального в частности» [21, с. 173].

Очевидно, что идейное противостояние живо ощущалось ими обоими. Объяснение и примирение с Мережковскими, состоявшееся у Белого в феврале 1906 г. (см. [19, с. 142]), по-видимому, сопровождалось и объяснением с Бердяевым. По крайней мере та безусловная значимость, которую Белый станет придавать в это время оттенкам своей позиции по отношению к Бердяеву и Мережковскому, возникает явно в результате имевших место разногласий. «О Мережковском и Бердяеве *очень прошу* не печатайте: *мне необходимо изменить там несколько фраз*», — писал Белый в феврале — марте 1906 г. Брюсову по поводу не дошедшей до печати статьи или рецензии, предназначавшейся для «Весов» [25, с. 391]. Сам факт появления такого текста говорит об актуальности для Белого в то время бердяевских идей.

Разнонаправленность линий их духовной эволюции приведет к тому, что сохраняющиеся у Белого и Бердяева в ближайшее двухлетие точки соприкосновения (одной из них, наиболее, впрочем, условной, по-прежнему являлись Мережковские⁵), останутся не подкрепленными какой-либо существенной идейной общностью. Критико-публицистические выступления Белого в «Весах» будут пронизаны как раз впервые заявившими о себе в его «развенчивавших» Достоевского статьях антиутопическими тезисами «Канта и символизма, как „школы“» [27, л. 16 об.] и своеобразного «тактического индивидуализма», недоверчивого к чересчур поспешным попыткам пропаганды коллективного религиозного синтеза. Начинаящийся у Бердяева в 1907 г. поиск компромисса между новым и «старым и вечным религиозным сознанием» [28, с. 10], побудивший его к порицанию адогматической религиозности (отстаивавшейся Белым) и «декадентски-иллюзионистического» мироощущения, естественно, не способствовал сближению их позиций.

Это сразу же дало о себе знать, в частности, когда Бердяев включился в эстетическую дискуссию о сущности и целях «нового искусства». Ожесточенная полемика с петербургским лагерем символизма, которую Белый вел на страницах «Весов», заставляла его, как и других «весовцев», остроенно реагировать на всякое задевающее платформу журнала выступление, в особенности если оно совпадало «хотя бы косвенно... с доводами „петербургской фракции“» [29, с. 126].

Статья Бердяева «Декадентство и мистический реализм» [30] оказалась именно таким выступлением, хотя в целом, будучи заострена не столько в литературной, сколько в религиозно-философской плоскости, она не имела прямого отношения к символистскому расколу (впечатления от него заставят Бердяева истолковывать «мелочность, замкнутость и спертость атмосферы» [28, с. 79] модернистских журналов как симптом общего опошления культуры в эпоху спада первой русской революции). Предпочитая декадентски-индивидуалистическому течению в «новом искусстве» христианско-теургическое, Бердяев тем не менее не отдавал предпочтения — ни персонально, ни в целом — кому-либо из «москвичей» или «петербуржцев» и равно критически обращался в сторону представителей обоих лагерей. Так, призыв снять с живой мистики «литературно-историко-филологический покров» [30, с. 114] был адресован, очевидно, в том числе и Вяч. Иванову, к которому Бердяев испы-

⁵ Примечательно, что в течение 1906 г. Мережковский даже подталкивал их друг к другу. 20 марта (2 апреля) 1906 г. он писал Белому из Парижа: «А что-то Бердяев? Его до боли жалко. Он страшно одинок. Напишите ему» [26, л. 38 об. — 39].